

*Владимир Калашиников,
Андрей Николаев*

*Vladimir Kalashnikov
(Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI», Russia),*

*Andrey Nikolaev
(The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)*

Рец. на: Т. Hasegawa. Crime and Punishment in the Russian revolution. Mob justice and Police in Petrograd. Camdridge (Mass.): The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. 351 p.*

DOI: 10.31857/S086956870006395-5

Цуёши Хасегава хорошо известен как специалист в области истории Великой российской революции. В год её столетия автор издал переработанный и расширенный вариант своей монографии «Февральская революция: Петроград, 1917» (1981)¹ под названием «Февральская революция. Конец царского режима и становление двоевластия»². В том же году вышла и его книга «Преступление и наказание в Русской революции»³.

Хасегава давно проявляет интерес к проблеме преступности в российской столице в 1917 г. 20 января 1993 г. на конференции в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена он по приглашению В.И. Старцева выступил с соответствующим докладом, на основе которого в 1994 г. была опубликована его статья⁴.

В 2001 г. вышла очередная работа Хасегавы на эту тему⁵, а его более поздняя статья «Преступность и полиция при советской власти»⁶ вошла в сборник, опубликованный по итогам состоявшейся 6 ноября 2014 г. в РГПУ им. А.И. Герцена конференции, посвящённой революции 1917 г. в России. В 2016 г. увидела свет публикация историка о самосудах в Петрограде в

1917 г.⁷ Многолетние исследования автора увенчались изданием солидной монографии, аналога которой нет в российской историографии.

Книга состоит из введения, семи глав и заключения. Исследование основано на широком круге источников — документах, отложившихся в 24 фондах российских архивов (ГА РФ, ОР РНБ, ЦГА СПб и ЦГИА СПб), и материалах двух американских — Бахметевского и Гуверовского. На страницах монографии весьма широко представлена и периодическая печать Петрограда (36 газет и 9 журналов).

Во введении обозначена задача исследования — посмотреть на историю Российской революции с точки зрения повседневной борьбы простого человека за выживание в условиях разгула преступности. В этой связи Хасегава анализирует три проблемы: разрушение в результате Февральской революции органов царской полиции и неудачные попытки заменить её; последующий рост преступности; реакция простых граждан на сложившуюся ситуацию. Хронологически анализ охватывает два периода: восемь месяцев правления Временного правительства и пять — советского (до переезда из Петрограда в Москву).

* *Хасегава Ц.* Преступление и наказание в Русской революции: Самосуды и полиция в Петрограде. Кембридж (Масс.): Бэлкнап Пресс, Издательство Гарвардского университета, 2017. 351 с.

Территориально автор ограничил свой анализ российской столицей как эпицентром революции.

Хасегава выдвинул два *главных тезиса* своих изысканий. Первый: «Разрушение полиции, возросшая преступность и катастрофическое разрушение повседневной жизни горожан помогли ослабить Временное правительство. В сложившейся ситуации горожане спорадически прибегали к актам самосуда, усиливая хаос. Разрушение общественного порядка создало условия, которые использовали большевики» (р. 2). Суть второго в том, что учёт масштабов и интенсивности уголовной преступности рождает иное понимание причин становления нового вида авторитарной диктатуры под властью большевиков. Они надеялись, что реализация их социальной доктрины приведёт к искоренению преступности, но погромы винных складов в ноябре и декабре 1917 г. привели к использованию в борьбе с погромщиками ЧК — «надправовой» структуры для борьбы с контрреволюцией. «Неограниченное насилие» стало применяться «для сохранения не только общественного порядка, но и социализма и советского государства» (р. 3). Автор утверждает, что «преступность стала тем краеугольным камнем, на котором выросла коммунистическая диктатура, с неограниченной силой принуждения как её центральным звеном» (р. 16).

Хасегава определяет себя в качестве представителя школы «социальной истории» революции, сформировавшейся в 1970-х гг. и «бросившей вызов» прежней «либеральной историографии», которая трактовала «большевистскую революцию» как верхушечный переворот, организованный группой «циничных активистов во главе с Лениным, демагогически манипулировавших необразован-

ными тёмными массами» (р. 4). Социальные историки, полагает исследователь, показали, что «большевистскую революцию поддерживали мощные массовые движения. И массы были не тёмными пешками в руках политических лидеров, а активными борцами, которые высказывали свои позиции и действовали в соответствии с ними. Таким образом, Октябрьская революция была подлинной революцией, выражавшей чаяния людей, а не верхушечным переворотом» (р. 5).

Автор просит считать его исследование «одной из форм социальной истории», подчёркивая, что эта форма отличалась от всех предшествовавших. По его мнению, социальные историки прежних лет уделяли главное внимание отношению масс к первоочередным политическим вопросам революции, а теперь есть необходимость понять, как народ относился к возникавшим в его повседневной жизни неполитическим проблемам. Более того, речь должна идти о поведении обычных людей, а не социально активной и организованной части населения, которая участвовала в революции. Отнюдь не отрицая важности основных вопросов политики, Хасегава стремится показать, как она «проникала в неполитические аспекты повседневной жизни и, наоборот, как эти неполитические аспекты оказывали влияние на политические изменения» (р. 7). Историк представил этот процесс, анализируя рост преступности и борьбу с ней в период революции. Один из подзаголовков во введении книги содержит формулу, которая определяет цель исследования: «Интерпретация Русской революции через преступность и полицию» (р. 8). Главный герой книги — городские бедные слои, которые «в отличие от промышленного пролетариата не имели организационных воз-

можностей воплотить свои чаяния в политическое действие» (р. 11).

Отметим ещё одну особенность историографической позиции автора. Он не следует модной тенденции рассматривать историю Российской революции как часть единого процесса, начавшегося Первой мировой войной и завершившегося Гражданской. Хасегава исходит из того, что время «с марта 1917 по март 1918 гг. представляет собой отдельный революционный период», который «заслуживает изучения как самостоятельный... а не просто переходная стадия от мировой войны к войне гражданской» (р. 12). Среди многих преимуществ такого подхода исследователь выделяет две возможности: сравнительного изучения революций — в России и других странах, в иные эпохи — и «прочтения» революции как «пример ухода государств от авторитарных режимов». В этой связи Хасегава указывает на своё стремление в качестве *методологических* инструментов использовать теорию «аномии» (Э. Дюркгейм, Р. Мертон) и близкую к ней теорию «недееспособного (обанкротившегося) государства» (*failed state*). Следует отметить, что Дюркгейм рассматривал свою теорию в качестве части общей концепции перехода «традиционного» аграрного общества к современному индустриальному. По сути, он создал одну из ранних версий теории «модернизации», призванной объяснить причины социальных революций вне рамок марксизма. Придавая огромное значение государству как «защитнику» правопорядка, Дюркгейм в кризисе (разрушении) государства видел главную причину возникновения состояния «аномии». Мертон превратил данную теорию в общую концепцию девиантного поведения. Именно этот аспект привлек внимание Хасегавы, который решил «прочитать» револю-

цию в России под углом зрения девиантного поведения городских «низов».

Первая глава книги «Прелюдия к революции» («Prelude to Revolution») (р. 17—36) содержит краткое описание предреволюционной ситуации в Петрограде. Автор отмечает неэффективность сухого закона, пишет о росте потребления нелегальной алкогольной продукции и всякого рода суррогатов, упоминает о потерях бюджета, а также указывает, что в связи с Первой мировой войной преступность в российской столице возросла, особенно в 1916 г. (р. 32—34).

Во второй главе «Рост преступности» («Crime on the Rise») (р. 37—67) описывается резкий всплеск преступности в стране после Февральской революции. Этому, по мнению исследователя, способствовало то, что, во-первых, на свободе оказались уголовные преступники, выпущенные из тюрем в дни Февраля; во-вторых, восставшие захватили много оружия, которое попало и в руки преступников; в-третьих, городская милиция, пришедшая на смену царской полиции, во время разгула преступности действовала неэффективно. Хасегава считает, что «обновлению порядка» мешали двоевластие и децентрализация: борьба с преступностью была делегирована подрайонным комиссариатам (р. 41). Также он справедливо замечает, что сведения о преступлениях, приведённые Д.И. Ерешенко⁸, неполные, так как выявлены в основном в милицейских рапортах (р. 48). Хасегава дополняет и иллюстрирует их, основываясь на материалах периодической печати. В частности, рассказывая о кражах, он опирается на «Петроградский листок» (р. 49). Пишет автор и о грабежах, подчёркивая, что они со временем становились «всё наглее», об убийствах, изнасилованиях, число которых возросло (р. 50—54). Также

указывается, что рост преступности способствовал «социальной дезинтеграции» (проявившейся в азартных играх, пьянстве, проституции, наркомании и наркоторговле), вследствие которой «накануне Октябрьской революции столица империи оказалась на грани краха» (р. 54—64).

В последнем параграфе второй главы («Политический кризис и социальный взрыв») подчёркивается, что к осени 1917 г. Временное правительство потеряло поддержку жителей столицы. Это стало реакцией на его неспособность внедрить последовательную и авторитетную правовую систему (р. 67), которая смогла бы противостоять росту преступности. На этом фоне, считает историк, усилилось безразличие обычных граждан к политическому маневрированию в высших эшелонах власти и к борьбе политических партий за власть (р. 66).

В третьей главе «Почему уровень преступности стремительно вырос?» («Why Did the Crime Rate Shoot Up?») (р. 68—108) автор анализирует причины роста преступности, показывая влияние этого фактора на судьбу Временного правительства. При этом, по мнению Хасегавы, сложившаяся ситуация в основном была обусловлена изначальной слабостью правительства — в обстановке двоевластия оно не могло действовать без согласия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, что «в большинстве случаев вело к бездействию» (р. 69). Указывая на постоянные правительственные кризисы, автор видит в них этапы процесса ослабления государственной власти и отмечает его связь с ростом преступности. Он подчёркивает, что «количество краж, грабежей и убийств подскочило до тревожного уровня после августа, когда власть центрального правительства опустилась до своего минимума» (р. 71).

Обоснованно указано и на экономические причины роста преступности. Нехватка продовольствия в Петрограде, констатирует автор, «не только вызвала ухудшение здоровья и отчаяние», но и «непосредственно поощряла преступность». Спад промышленного производства привёл к дефициту непродовольственных товаров, а долгое стояние в очередях за товарами широкого потребления стало благодатной почвой «для погромной агитации». Жилищный кризис, продолжает Хасегава, привёл к росту бездомных, которые пополнили армию преступников (р. 71—74).

И всё же, главное внимание в этой главе уделено действиям Временного правительства в правовой области. Автор отмечает, что уже на первом заседании оно сломало прежний правовой порядок, присвоив «всю полноту власти, которая ранее принадлежала монарху». Объявив недействующими Основные законы империи, правительство заявило о претензиях не только на исполнительную, но и на законодательную и судебную власть. Правительство, подчёркивает автор, лишило прав Государственную думу, которая в дни Февральской революции оставалась главным носителем власти. Однако ситуация двоевластия — свидетельство, по мнению Хасегавы, непрочного фундамента Временного правительства — быстро ограничила его претензии на полноту власти в стране (р. 78—79)⁹.

Исследователь останавливается на истории создания и деятельности в Петрограде Временных судов (р. 86—93). Они были созданы приказом министра юстиции А.Ф. Керенского от 3 марта 1917 г. для того, чтобы «быстро устранить печальные недоразумения, возникшие в городе между солдатами, населением и рабочими». Временный суд состоял из мирово-

го судьбы и по одному представителю от армии и рабочих, налагал максимальные наказания в виде ареста (не больше трёх месяцев) и тюремного заключения (не выше полутора лет). Керенский, отмечает Хасегава, в июле отказался от Временных судов, поскольку они часто принимали решения не в пользу представителей имущих классов. Этот шаг был болезненным для низов, которые уже не могли обращаться в «понятные» им суды — с участием рабочих и солдат. Попытка правительства воссоздать традиционную судебную систему затянулась надолго, и простые граждане не верили в её успешное осуществление. В результате, справедливо утверждает историк, устранение Временных судов стало одной из важных причин распространения самосудов осенью 1917 г. (р. 92).

Особый интерес вызывает четвёртая глава книги «Взлёт и падение милиции» («*Militias Rise and Fall*») (р. 109—166), где анализируются возникшие после Февральской революции в Петрограде три, по мнению автора, типа полиции. Так, централизованную государственную полицию пытались создать Временное правительство, но быстро потерпело неудачу. Возникшая по инициативе Городской думы муниципальная (городская) милиция встретила с вызовом, брошенным ей отрядами рабочей милиции. Она защищала интересы только рабочих, а не населения в целом. Вместе с тем в деятельности представителей этого типа милиции, подчёркивает автор, сочетались принципы муниципальности и классовости. Появление городской и рабочей милиции исследователь рассматривает как характерное для революционной эпохи свидетельство стремления населения к самоуправлению (р. 117—122, 126, 128—133).

«Во-первых, — констатирует Хасегава, — городская и рабочая милиции были созданы как низовые организации, отвечающие насущной необходимости обеспечить общественный порядок. Во-вторых, принципы местного самоуправления и выборности широко разделялись горожанами (при создании милиции. — *Авт.*). В-третьих, существовало различие между центральными районами с преобладанием средних слоёв населения, которое благоволило муниципальной милиции, и окраинными районами, где доминировала рабочая милиция. В-четвёртых, это различие не исключало кооперации. Существовало согласие по поводу того, что милицмейские организации должны были находиться под юрисдикцией городской милицмейской администрации» (р. 125).

Автор обращает внимание на неэффективность столичной милиции и проникновение в её ряды представителей криминального мира, а также сожалеет, что на работу в петроградскую милицию не брали бывших царских полицейских. Хасегава считает такой подход ошибочным, тем более что многие из них были аполитичными и равнодушными к прежнему режиму (р. 133—137). Лето 1917 г. стало, по утверждению автора, переломным: преступность возросла, а эффективность деятельности городской милиции, как и её репутация, значительно снизились (р. 147—148). Исследователь обращает внимание на поведение милиционеров города в дни июльского политического кризиса. Они придерживались нейтралитета и не выполняли приказы Временного правительства по охране государственных учреждений. Рабочая же милиция участвовала в антиправительственных демонстрациях. После июльских дней правительство решило переформи-

ровать городскую милицию и поставить её под контроль МВД, однако этот план (вызвавший недовольство со стороны дум районов Петрограда, в том числе центральных) был сорван (р. 148—152). Не удалось расформировать и рабочую милицию, сама же попытка умеренных социалистов сделать это усилила недоверие к ним со стороны рабочих. Осенью падение авторитета милиции среди горожан продолжилось, чему способствовали отказ милиционеров (из-за низкой зарплаты, слабой вооружённости и т.д.) патрулировать ночью опасные районы столицы. Хасегава показывает, что накануне Октябрьской революции военные власти помогали городской милиции: 3/5 её состава приходилось на солдат Петроградского военного округа. Вместе с тем автор приводит свидетельства об их низкой дисциплине (р. 155—158).

Что касается представителей рабочей милиции и Красной гвардии, то после разгрома корниловского выступления они отказались стать частью городской милиции и утвердили себя как орудие защиты революции против её врагов (р. 165). Исследователь делает важный вывод о том, что столичные милиционеры хотели работать на принципах нейтралитета, выборности и независимо от Временного правительства. Однако в конкретных условиях революции эта позиция ослабляла городскую милицию, рабочая же, напротив, существенно усиливалась (р. 167).

Рост преступности и ликвидация временных судов вызвали волну самосудов, причины и формы которых описаны в пятой главе «Эпидемия самосудов» («An Epidemic of Mob Justice») (р. 167—191). Автор обращает внимание на приведённые Ерещенко сведения об осуществлённых в марте—октябре 1917 г. 85 самосудах¹⁰. Хасега-

ва, выявив ещё шесть таких случаев, утверждает, что главными участниками самочинных расправ были не представители организованного рабочего класса, а городских низов: толпы, солдаты и хулиганы. Последние участвовали в расправах «не для того, чтобы наказать преступников, а для острых ощущений» (р. 169, 178, 181—182). Автор замечает, что несанкционированное насилие со стороны масс характеризовалось В.И. Лениным как «стихийное движение», выражавшее народное недовольство существовавшими порядками, которое создало благоприятные условия для захвата власти большевиками (р. 191).

В шестой главе «Преступность после прихода большевиков к власти» («Crime after the Bolshevik Takeover») и седьмой — «Большевики и милиция» («The Bolsheviks and the Militia») (р. 192—259) Хасегава показывает продолжившийся рост преступлений и самосудов после установления власти большевиков, что побудило их рассматривать преступность как одну из форм контрреволюции.

В заключение автор отмечает, что изучение истории Российской революции «сквозь линзу преступности, даёт новую картину этому периоду», суть которой заключается в неспособности Временного правительства установить после Февраля 1917 г. законный правопорядок. Это привело к разрушению государства, так как жизнь для большинства россиян, независимо от их политических предпочтений, стала невыносимой. В октябре большевики, используя развал государства (которому способствовали), захватили власть, однако социальная дезинтеграция только усилилась, что создало для них угрозу. Предпринятые большевиками паллиативные меры борьбы с преступностью провалились, и новая власть начала бороться с ней

«надправовыми» жёсткими методами секретной службы (ВЧК) (р. 260).

Следует отметить, что исследование Хасегавы не свободно от недостатков. Хотя оно посвящено и преступлениям (правда, практически не сообщается о деятельности судов общей юрисдикции, рассматривавших дела о тяжких преступных деяниях) и наказаниям, тем не менее последним уделено значительно меньше внимания. Впервые речь зашла о наказании во второй главе в параграфе, посвящённом борьбе с распространением наркотиков, где историк бегло пишет о наркоторговце А. Вольмане, которому «суд назначил жалкий девятимесячный срок» (р. 63). Заметим, что Хасегава не указывает, какой именно судебный орган вынес этот приговор, а в той ситуации это было важно: Вольмана осудил Временный суд, о чём сообщала петроградская пресса¹¹.

В третьей главе автор уделил Временным судам целый параграф, но о рассмотренных ими делах он информирует скупо, а об их приговорах пишет, не указывая конкретных наказаний. Заметим, что Хасегава, приводя максимальный размер штрафа в 10 тыс. руб., к которому мог приговаривать Временный суд, даёт понять, что он выходил за рамки наказаний, установленных для мировых судей, и объяснял это инфляцией (р. 87). Между тем, как объяснял председатель Петроградского столичного съезда мировых судей В.В. Меншуткин, «размер денежных взысканий повышен до десяти тысяч рублей в предвидении того, что Временным судам придётся разбирать дела о тайной продаже спирта, крепких напитков, переработанного денатурированного спирта, об ответственности торговцев и промышленников за возвышение или понижение цен на предметы

продовольствия или необходимой потребности»¹².

В книге встречаются отдельные неточности. Так, рассказывая в четвёртой главе о деятельности А.В. Пешехонова, получившего от Петроградского Совета рабочих депутатов комиссарские полномочия для работы в Петроградском районе, автор утверждает, что П.Н. Милюков отказался дать Пешехонову полномочия от Временного комитета Государственной думы. Хасегава объясняет поведение Милюкова стремлением не предоставлять «любую поддержку власти Петроградского Совета» (р. 124). На самом деле всё было иначе. Пешехонов вспоминал, что счёл необходимым «зайти в Исполнительный комитет Государственной думы, чтобы получить от него полномочия». И Милюков дал их ему¹³. В результате Пешехонов стал *думско-советским* районным комиссаром, кстати, не единственным, имевшим двойные полномочия¹⁴.

Очевидно, что данные замечания не снижают общей высокой оценки новаторской монографии Ц. Хасегавы, подтвердившего свою репутацию как объективного и глубокого исследователя истории Российской революции.

Примечания

¹ Hasegawa T. The February revolution: Petrograd, 1917. Seattle, 1981.

² Hasegawa T. The February revolution: Petrograd, 1917. The End of the Tsarist Regime and the Birth of the Dual Power. Leiden, 2017.

³ Hasegawa T. Crime and Punishment in the Russian revolution. Mob justice and Police in Petrograd. Cambridge (Mass.), 2017.

⁴ Хасегава Ц. Преступность и социальный кризис в Петрограде во время Русской революции: март—октябрь 1917 г. // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды. Вып. 3. СПб., 1994. С. 72—79.

⁵ Хасегава Ц. Государственность, общественность и классовость: преступление, поли-

ция и государство во время Русской революции в Петрограде // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001. С. 218—246.

⁶ Hasegawa T. Crime and Police under the Soviet Regime, October 1917 — March 1918 // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Ред. и сост. А.Б. Николаев, Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2015. С. 272—298. Естественно, что речь в статье идёт о милиции.

⁷ Hasegawa T. Crime, Police, and Samosudy in Petrograd in the Russian Revolution and Sociological Theories of Anomie // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2016. Vol. 9. P. 275—296.

⁸ Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде в 1914—1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

⁹ Проблема двоевластия в настоящее время активно дебатруется историками. См., например: Петров Ю.А. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 17—18.

¹⁰ Ерещенко Д.Ю. Преступность в Петрограде... С. 171.

¹¹ Ведун. Разрушенные гнёзда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая. «Новое время» сообщало, что Вольман был осуждён на десять месяцев тюремного заключения (За продажу кокаина // Новое время. 1917. 28 марта).

¹² Мещуткин В. Временные суды в Петрограде // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 186.

¹³ Пешехонов А.В. Первые недели (Из воспоминаний о революции) // На чужой стороне. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 267.

¹⁴ Например, во главе Рождественского района стоял комиссар «Комитета Государственной думы и Совета рабочих и солдатских депутатов» А.В. Трупчинский, двойные полномочия имел также его помощник (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 1695, оп. 2, д. 430, л. 55, 60, 61).

Александр Фокин

«Полезное прошлое» Дэвида Бранденбергера*

Alexander Fokin

(Tyumen State University; Chelyabinsk State University, Russia)

«Useful past» by David Brandenberger

DOI: 10.31857/S086956870005921-4

Проводя аналогию между историей и литературой, Х. Уайт выявил, что историки в своих трудах используют один из четырех приёмов исследования. Продолжая это сравнение, можно сказать, что большинство историков пишут романы, поскольку каждая монография должна иметь чёткую структуру и законченный сюжет. Последние работы Д. Бранденбергера следует сравнить с эпопеями, ибо

каждая книга дополняет предыдущие, и если смотреть на них как на взаимосвязанную структуру, появляется гораздо больше смыслов. Поэтому я счёл необходимым отрецензировать две вышедшие в 2017 г. монографии этого автора: «Сталинский русоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931—1956 гг.» и «Кризис сталинского агитпропа. Про-

* Бранденбергер Д. Сталинский русоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.; Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927—1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.